

УДК 02(571)
ББК 78.34(25)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕГИОНОВЕДЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ БИБЛИОТЕК ТЕРРИТОРИИ

© Е. Б. Артемьева, 2012

*Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15*

Проанализированы культурологические и регионоведческие концепции, положения которых могут быть использованы при изучении эволюции библиотек Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: культура, цивилизация, регион, концепции, Сибирь, Дальний Восток, эволюция, библиотеки, исследования.

The paper analysed cultural and regional conceptions whose principal propositions might be taken into account in studying libraries evolution in Siberia and the Far East.

Key words: culture, civilization, region, Siberia, Far East, evolution, libraries, researches.

Демократические реформы конца XX – начала XXI в. существенно изменили Россию. Появились новые виды учреждений, формы собственности, стала другой законодательная база, широкое развитие получили информационные коммуникационные технологии. В этих условиях актуализируются проблемы укрепления единства экономического и социального пространства страны, создания территориальных инновационных кластеров и новых технологий управления. В то же время нарастание процессов регионализации вызывает настоятельную потребность в изучении специфики отдельных территорий для решения насущных задач современного и стратегического развития.

Особенности развития регионов в сопоставлении истории и современности всегда интересовали ученых разных отраслей науки, в том числе библиотечников и книговедов, объектом исследования которых является книжная культура в целом и библиотеки как ее составляющая. Освоение положительного исторического опыта функционирования библиотек важно для понимания существа происходящих в настоящее время процессов и определения роли влияющих на них факторов, выявления особенностей и проблемных ситуаций в развитии библиотек, оценки возможных последствий наблюдаемых процессов и выработки определенной стратегии. «Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории науки отражение научных течений своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но

и неизбежно переоценивает старое, пережитое», – писал в свое время В. И. Вернадский [1, с. 122]. Слова ученого, относящиеся к истории науки в целом, вполне можно применить и к изучению истории библиотек. В библиотечковедческих исследованиях ведущие специалисты страны – К. И. Абрамов, А. Н. Ванеев, Б. Ф. Володин, М. Я. Дворкина [2] – также отмечали целесообразность применения принципа историзма. Мы полностью разделяем их точку зрения. Вместе с тем, более всего нам близка позиция В. С. Крейденко, который подчеркивал необходимость изучения предмета в виде целостного, неразрывного единства таких его временных состояний, как прошлое (генезис и этапы развития предмета), настоящее и будущее. Им была предложена логическая структура историзма, включающая следующие основные компоненты: «настоящее – ключ к прошлому и будущему, исходный пункт исторического рассмотрения предмета; генезис предмета – выявление взаимосвязи его предпосылок (условий возникновения, начала и становления); этапы развития предмета, выделение основных периодов его истории, установление их естественной последовательности и анализ диалектики общего и единичного в этом процессе; будущее как необходимый результат прошлого и настоящего, предвидение будущего, основных тенденций развития предмета – завершающий момент исторического рассмотрения» [3, с. 27].

На протяжении десятилетий библиотечковеды и книговеды изучают историю библиотек *Сибири*

и Дальнего Востока¹. Этот регион имеет поистине уникальные исторические, географические, экономические, культурные условия развития, что, в свою очередь, обуславливает специфику эволюции библиотек.

Как можно прочитать в различных источниках, подлинное превращение Руси в Великую Россию началось с присоединения Сибири к русскому государству. Долгое время Сибирь являлась местом проживания только коренных народов и народностей. По мере продвижения в Сибирь русских служилых людей появлялись остроги, получавшие в дальнейшем статус городов: Тюмень – 1586 г.; Тобольск – 1587 г.; Березов – 1593 г.; Тара и Сургут – 1594 г., Мангазея – 1601 г., Томск – 1604 г. В 1619 г. был построен как острог Енисейск, который в 1676 г. получил статус города. В 1628 г. появился как острог Красноярск, статус города приобрел в 1690 г., в 1661 г. основан Иркутск, получивший статус города в 1686 г., и т. д. Царское правительство, понимая значимость распространения православия для коренных народов и первых русских поселенцев, в 1620 г. учредило Сибирскую епархию, кафедральным городом был избран Тобольск. Тобольская епархия, совпадавшая с административными границами Сибирской губернии, включала в себя территорию Урала, Сибири и Дальнего Востока. Строительство храмов и монастырей, продвижение на восток традиционной системы церковных приходов дали значительный импульс развитию на местной почве православной литературы, книжности.

Становление и развитие в XVIII–XIX вв. образовательной системы – начальных, средних и высших учебных заведений, организация транспортного сообщения, развитие промышленности и сельского хозяйства, научных учреждений в XIX–XX вв., превращение Сибири в крупный экономический район – эти исторические события, несомненно, оказали достаточно ощутимое влияние на культурное развитие региона. Совместное проживание на территории Сибири коренных народов и прибывших сюда в связи с освоением края представителей разных национальностей способствовало формированию многослойной культуры.

На формирование культурного облика региона оказывали воздействие и негативные процессы: колонизация территории и активное использование правительством России региона как места

ссылки уголовных и политических преступников. При этом влияние политической ссылки на развитие Сибири было положительным. Достаточно вспомнить первый принудительный «интеллектуальный десант» в Сибирь 124 декабристов, 113 из которых принадлежали к дворянскому сословию [4]. Н. М. Ядринцев, талантливый представитель областнического движения, о декабристах, отбывавших наказание в Сибири, говорил: «Эти люди с высоким образованием стояли головою выше тогдашнего общества даже в Европейской России; нечего говорить, что в сибирских городах они были просвещеннейшими людьми и оставили след повсюду» [5].

По мере развития региона формировались и развивались библиотеки.

Сибирско-Дальневосточный регион, являясь крупным территориальным образованием, сохраняет некоторые признаки провинции. Историками культуры термин «провинция» чаще всего используется для обозначения региональной, географической единицы, отдаленной от центра и одновременно являющейся особой социокультурной системой [6, с. 19].

Библиотеки, которые выступают объектом нашего исследования, несомненно, представляют собой звено данной системы, они включены в социально-культурное пространство региона. Исходя из этого считаем целесообразным обозначить социально-культурологические концепции, положения которых могут быть учтены при рассмотрении эволюции библиотек территории.

Некоторые специалисты интерпретируют историю с позиций идеи локальных цивилизаций. Ее суть заключается в том, что история человечества рассматривается как пространство, заполненное самобытными регионально-культурными организациями, или локальными цивилизациями [7, с. 13–16]. Локальные цивилизации представляют собой, с одной стороны, качественно различные и реально существующие (или существовавшие) на Земле общественные образования, а с другой, – методологической, это, безусловно, важнейшие категории, позволяющие по-новому изучать в диахронии (исторически эволюционно) и синхронии (одновременно) структуру человеческого общества. Собственно, цивилизации могут быть определены как устойчивые системы оснований для объединения людей, их общностей и культур, опирающиеся на преобладающее единство технологий, информационных и ценностных отношений [8, с. 3–4; 9; 10, с. 138]. Понятие «локальная цивилизация» не совпадает по содержанию и сущности с понятиями «общественно-экономическая формация», «общество», «государство», «страна», «глобальная цивилизация». «Локальная цивилизация – это общественная система, соединяющая в себе различные

¹ Зарождение научных школ регионального библиотекведения и книговедения происходило в начале 1960-х гг. и было связано с появлением на территории Сибири Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Академии наук СССР (ГПНТБ СО АН СССР). Начиная с 1980-х гг. автор статьи принимал участие как в библиотекведческих, так и в книговедческих исследованиях в части изучения истории библиотек.

основания – общецивилизационные, культурные, экономические, технологические, ценностные, коммуникативно-информационные, этнопсихологические, религиозно-этические и другие, объединенные воедино и, таким образом, соединяющие между собой людей, их общности (семьи, этносы, племена) и их культуры в нечто единое и неповторимое в многообразии человеческого мира» [9].

Почти во всех публикациях по цивилизациологии присутствует идея о том, что «матрица» цивилизации имеет свое первоначально сформированное ядро, в основе которого находится культура как самобытная творческая деятельность людей по созданию, пополнению и сохранению материальных и духовных ценностей [10, с. 138]. Именно культура, с точки зрения культурологов, является универсальной категорией в исследовании общества: 1) культура как основа интеграции или дифференциации общества; 2) культура как система создания, хранения, распространения, обмена, потребления духовных ценностей (роль культуры в поддержании социальной стабильности, преемственности, динамики развития общества). Библиотеки, будучи учреждениями культуры, включены в эту систему непосредственно.

Обратим внимание на концепцию русского социолога и культуролога Н. Я. Данилевского (1822–1885), в основе которой – уже названная нами идея о локальных культурно-исторических типах, соответствующих типам цивилизаций. Общая схема их развития у автора «России и Европы» (1868) имеет циклический характер: она включает стадию зарождения, период «средней истории»; кульминационным этапом является его цивилизационная стадия, то есть «расцвет», и реализация всех его возможностей. После нее неизбежно начинается упадок, стагнация, которая может быть очень длительной, или жизнь культурно-исторического типа завершается катастрофой. Погибая, культурно-исторические типы превращаются в «этнографический материал», который смешивается с другими этническими группами и, потеряв свою самобытность, начинает новый виток развития уже в составе другого культурно-исторического типа. Культурно-исторические типы, согласно концепции ученого, сохраняют индивидуальность в процессе своего исторического развития и проходят одни и те же стадии отнюдь не одинаково [11]. Таким образом, Н. Я. Данилевский придавал особое значение самобытности, уникальности каждого отдельного культурно-исторического типа. Любая культура, с его точки зрения, даже та, которая, на первый взгляд, ничего не привнесла в мировую культуру, или вклад ее был незначителен, тем не менее имеет ценность уже в силу своей неповторимости, проявляющейся во всех сферах цивилизационной деятельности. По его мнению, ци-

вилизации, при всем их несходстве, равноценны и одинаково важны в рамках мирового исторического развития. При этом ученый придавал большое значение преемственности цивилизаций. Установка ученого – анализировать всемирно-исторический процесс с учетом сочетания в нем общих закономерностей и специфики их воплощения в истории отдельного культурного типа – с нашей точки зрения, очень важна.

Рассуждая о всемирно-историческом процессе, стоит упомянуть концепцию В. О. Ключевского (1841–1911). В главном труде своей жизни «Русская история» [12] ученый выделяет два предмета исторического изучения. «Накопление опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную личную жизнь отдельного человека, а с другой – устанавливающих и совершенствующих общественные отношения между людьми – таков один предмет исторического изучения. Степень этой выработки, достигнутую тем или другим народом, обыкновенно называют его культурой, или цивилизацией; признаки, по которым историческое изучение определяет эту степень, составляют содержание особой отрасли исторического ведения, истории культуры, или цивилизации. Другой предмет исторического наблюдения – это природа и действие исторических сил, строящих человеческие общества, свойства тех многообразных нитей, материальных и духовных, с помощью которых случайные и разнотипные людские единицы с мимолетным существованием складываются в стройные и плотные общества, живущие целые века. Историческое изучение строения общества, организации людских союзов составляет задачу особой отрасли исторического знания, науки об обществе, которую также можно выделить из общего исторического изучения под названием исторической социологии» [12, т. 1, с. 37–52]. Таким образом, В. О. Ключевский считал, что в историческом исследовании важны две, не исключающие, а дополняющие одна другую, точки зрения – культурно-историческая и социологическая.

О. Шпенглер, немецкий философ и культуролог (1880–1936), в работе «Закат Европы» (1 том – 1918, 2 том – 1923) выдвинул концепцию, в которой культура рассматривается, во-первых, не как единая общечеловеческая культура, а как расколотая на восемь культур, каждая из которых вырастает на основе своего собственного уникального «прафеномена»² – способа «переживания жизни». Наряду с египетской, индийской, вавилонской, китайской, арабо-византийской, греко-римской, за-

² С точки зрения О. Шпенглера, «прафеномен» – это чистое созерцание идеи. Таким «прафеноменом» истории, как прошедшей, так и будущей, является культура.

падноевропейской, культурой майя, ученый выделил пробуждающуюся *русско-сибирскую культуру*. Существование этих культур в разные времена на самых отдаленных территориях планеты – отнюдь не свидетельство единства мирового исторического процесса, а показатель единства проявлений жизни во всем ее многообразии. В наиболее обобщенном употреблении «культура» у О. Шпенглера – *это сложившаяся в веках историко-культурная целостность*.

Во-вторых, *культура*, в представлении Шпенглера, *подчинена жесткому биологическому ритму*. В пределах общего цикла эволюции в каждой из культур выделяются два главных этапа: этап восхождения культуры (собственно культура) и этап ее нисхождения (цивилизация) [13]. Термином «цивилизация» ученый обозначает поздний этап развития единой культуры, который он расценивает как «логическую стадию, завершение и исход культуры». Цивилизация – последняя, неизбежная фаза всякой культуры – выражается во внезапном (органически обусловленном, возрастном) перерождении культуры, в резком надломе всех творческих сил, переходе к переработке уже использованного историей материала, отживших форм.

Таким образом, развивая учение о множестве завершенных, разобщенных в пространстве и во времени «культур», равноценных по предельной полноте осуществленных в них возможностей и достигнутому совершенству выражения, языка форм, О. Шпенглер в то же время выступает против идеи единого «всемирного» исторического процесса, единой линии эволюции человечества, проходящей последовательные этапы развития, то есть поступательного движения, которое, используя социальные, гносеологические и другие критерии, историки определяли как прогресс [14].

Находясь под влиянием идей О. Шпенглера (хотя и не во всем с ним соглашаясь), британский историк, философ и культуролог А. Тойнби (1889–1975) также высказывал приверженность *идее многолинейного развития суверенных культур*, что отражено в его 12-томном труде «Постижение истории» (1 том вышел в 1934 г., последний – в 1961 г.) [15], который многие ученые признают шедевром исторической и макросоциологической науки. А. Тойнби начинает свое исследование с утверждения о том, что истинной областью исторического анализа должны быть общества, имеющие как во времени, так и в пространстве протяженность большую, чем национальные государства. Он называет их «локальными цивилизациями». Таких развившихся «локальных цивилизаций» Тойнби насчитывает более 20. Предприняв широкомасштабное переосмысление всего общественно-исторического развития человечества в духе теории круговорота локальных цивилизаций, объеди-

няющую роль он отводит «мировым проповедническим религиям» (буддизм, христианство, ислам), которые оказываются высшими ценностями и ориентирами исторического процесса [16].

В многообразии культур видит единый путь развития человечества русский философ Н. А. Бердяев (1874–1948). Его концепция культуры основывается на идее универсальности и всемирности истории человечества. *Культуры у него – это не замкнутые в себе, обособленные миры, как у Шпенглера и Тойнби, они взаимосвязаны*. Сущность культуры Бердяев показывает через сравнение ее с цивилизацией. Если для Шпенглера культура и цивилизация – это различные этапы в развитии общества, то у Бердяева они существуют одновременно. При этом цивилизация оценивается им с негативных позиций: «Культура есть явление глубоко индивидуальное и неповторимое. Цивилизация же есть явление общее и повсюду повторяющееся ... Культура имеет душу. Цивилизация же имеет лишь методы и орудия». Касаясь генезиса культуры, Бердяев также отмечает, что «всякая культура имеет периоды своего цветения, своего высшего подъема» [17].

В связи с темой нашего исследования считаем уместным сослаться на теорию русского социолога и культуролога П. А. Сорокина (1889–1968), в которой центральное положение отводится проблемам социальной целостности и социальной системы. Он рассматривал историческую действительность как сложную иерархию культурных и социальных систем и подсистем. Ученый считал, что подлинной причиной и условием закономерного развития общества или «мира социума» является существование мира ценностей, значений чистых культурных систем, а человек является носителем системы ценностей. То есть *каждый тип культуры*, по мнению Сорокина, *определяется социальной системой, культурными системами общества и самим человеком, носителем культурных значений* [18; 19, с. 31–32].

В последнее время «ожили», как указывают ученые, и культурно-исторические концепции евразийства, самобытного течения русской мысли, чей расцвет приходится на первую треть XX в. (группа русских интеллектуалов-эмигрантов – Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин и др.). В их работах часто встречается идея мультилинейности исторического развития культур. Наиболее крупным исследованием, в котором дается теоретическое обоснование этой концепции, является книга Н. С. Трубецкого (1890–1938) «Европа и человечество» (1920). По мнению автора, культурный процесс – это непрерывное создание новых ценностей, причем обязательно на основе появившихся ранее, в результате «комбинированного подражания» им. Из этого, естественно, сле-

дует, что для нормального развития культуры необходимым условием является ее традиционность. При сравнительном анализе различных культур мыслитель приходит к убеждению, что, вместо принципа классификации народов и культур по степени их совершенства, необходимо ввести новый принцип – *принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов*.

Центральным пунктом евразийских культурно-исторических концепций является идея «месторазвития», согласно которой социально-историческая среда и географическое окружение сливаются воедино. Причем отдельным «местам развития» присущи свои определенные формы культуры независимо от национального состава и расового происхождения народов, проживающих там. То есть *отдельные «места развития» становятся носителями особенного, только им присущего типа культуры* [19, с. 32–35; 20]. В то же время духовные «параметры» каждого конкретного региона в значительной мере детерминированы природно-климатическими условиями и полиэтнофункциональными характеристиками населения данной территории (расово-биологическими, социально-экономическими, религиозно-культурологическими), особенностями его территориальной организации [6, с. 13]. Заметим, что об этом в свое время говорил и Л. Н. Гумилёв (1912–1992), выдающийся русский историк и этнограф. Опираясь на установки теории локальной цивилизации, он рассматривал в качестве *базовой структуры исторического процесса этнос – общность людей, населяющих определенную территорию и объединенных действием пассионарного духа (биопсихической энергии, рождаемой сочетанием собственно этнических, географических, климатических условий жизни этой общности)* [19, с. 34–35; 21, с. 129–135].

Сегодня, когда речь идет об интеграции цивилизаций с сохранением и даже усилением всех локальных особенностей, мы рассматриваем точки зрения наших предшественников как дополняющие одна другую. Эволюция науки дает новые инструменты, позволяет взглянуть на прошлое с новых позиций. Современные ученые, основываясь на этих и других концепциях, считают, что региональные проблемы необходимо представлять в историко-культурном ключе, делая особый акцент прежде всего на локальных сообществах. При этом важным является рассмотрение местной специфики «в ее нераздельной слитности с общероссийским началом». Это мнение, в частности, высказывает историк М. А. Орешина [22, с. 37].

Ю. М. Беспалова, представляя региональную культуру как особый мир, уединенный и замкнутый, в то же время отмечает, что важнейшими ее чертами остаются открытость, стремление к диа-

логу, приращению ценностей, созданных как внутри, так и вне данной культуры [23].

Имеются работы, которые рассматривают исторический опыт организации регионального пространства в связи с проблемами истории российской государственности и механизмов обеспечения региональной политики имперской (центральной) власти по отношению к своим периферийным территориям. Таково, например, исследование А. В. Ремнёва. Автор указывает, что в процессе исторического развития Российской империи на ее огромном и многообразном пространстве сложились большие территориальные общности (регионы), заметно выделяющиеся своей индивидуальностью. При этом он соглашается с мнением современных ученых, считающих важнейшим признаком региона характерные для его населения процессы региональной самоидентификации [24, с. 8–9]. В этом признаке преобладают социокультурные (социально-психологические и культурно-личностные) параметры регионального образа, что делает такой подход полезным для нашего исследования.

Применяя указанные концепции в комплексе для изучения культуры региона, В. Г. Рыженко, А. Г. Быкова и другие авторы пытаются представить социокультурную составляющую образа региона в контексте динамики культурного пространства и интеллектуального ландшафта России. С их точки зрения, культура и культурное пространство региона – это столь же неотъемлемые признаки территориальных общностей, как и хозяйственно-экономические связи. В своем историческом развитии культурный потенциал региона приобретает гораздо большую открытость и контактность с другими регионами и центром, чем социально-экономический потенциал. Кроме того, по их мнению, культурное пространство региона, равно как и культурный его потенциал, отличается большей устойчивостью в силу более тесной привязки к месту, к локальному и региональному своеобразию. В общей линии изучения регионального образа принципиальным является постоянное соотношение истории и современности, а также представление о регионе как исторически сложившейся открытой системе с подвижными границами [6, с. 10–11; 25].

Таким образом, современными учеными высказываются суждения о перспективности использования в исследовании в качестве междисциплинарного подхода социокультурной теории, поскольку культурный фактор, в том числе научное знание, обеспечивает перспективу развития социума, освоение личностью культурных ценностей, создание новых регулятивных норм духовной жизни. А работники культуры и образования выступают носителями культуры не только как

хранители традиций, исторической памяти, но и как творцы идеалов, смыслов, программ общения и поведения [6, с. 12]. Часто социокультурную теорию называют цивилизационной. Считаем необходимым пояснить этот тезис. Существуют различные определения цивилизации. Однако во всем их многообразии выделяются два направления: первое определяет понятие «цивилизация» исходя из формы и уровня развития культуры; второе – из основополагающей роли развития социума. Однако в настоящее время все большее число историков сходится во мнении, что *цивилизация – это социокультурный феномен исторического развития*. «Дробление» истории на множество частных, часто узко специальных вопросов, направлений, все большая специализированность исследований сделали необходимой появление интегративной категории «цивилизация», позволяющей историческому исследованию, в отличие от частных специальных (исследований), выйти на новый уровень и показать многовариантность и отсутствие линейности развития отдельных регионов [26], представить особенности каждого региона (провинции) в общецивилизационной и культурной структуре. Именно цивилизационный подход лежит в основе парадигмы современного общественнознания.

Как мы уже отмечали, библиотеки – это учреждения **культуры**, способствующие духовному развитию общества. *Библиотечное дело включено в контекст культурно-исторической и социальной среды региона и страны в целом*. Каждое социокультурное пространство – это единое целое, составные части которого объединены общими ценностями. Оно не только формирует особые человеческие типы и стили поведения людей, но и объединяет их чувством особого переживания пространства [23]. И региональный аспект, суть которого состоит в соотношении общего и отдельного в культурной сфере, при этом очень важен. Сибирь и Дальний Восток – это своего рода локальная цивилизация со своими локальными особенностями, включенная в общий исторический процесс развития. По мере ее эволюции происходят различные системно-структурные видоизменения устойчивых алгоритмов при сохранении культурного ядра «матрицы» этого общественного образования. Специалисты, изучающие развитие библиотек Сибири и Дальнего Востока с позиций культурно-исторического [27, 28]), социально-экономического, социально-культурного, ресурсно-деятельностного, организационно-функционального *подходов* [29], частично учитывают (в зависимости от поставленных задач) положения вышеизложенных концепций (не вдаваясь порой в их подробный анализ).

С нашей точки зрения, в дальнейшем целесообразно представить результаты всех исследова-

ний по изучению эволюции библиотек региона в комплексе, *с позиций цивилизационного подхода*. Его применение позволит системно подойти к осуществлению вопроса, рассмотреть исторический процесс в динамике, как прошлое – настоящее – будущее, с учетом и факторов объективного социально-экономического развития, и культурного уровня общества, и особенностей этнической ментальности, и состояния общественного сознания.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Очерки и речи : в 2 ч. – Пг. : Науч. хим.-техн. изд-во, 1922. – Ч. 2. – 190 с.
2. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России : учеб.-метод. пособие. – М. : Либерия, 2000. – 175 с. ; Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в России в начале XX века : учеб. пособие. – СПб. : СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 1999. – 69 с. ; Ванеев А. Н. О принципе историзма и историческом подходе в библиотечных исследованиях // Библиосфера. – 2010. – № 2. – С. 3–7 ; Володин Б. Ф. Всемирная история библиотек. – СПб. : Профессия, 2002. – 351 с. ; Дворкина М. Я. Некоторые методологические и методические вопросы изучения истории библиотечного дела // Библиотечная жизнь Кузбасса. – Кемерово, 2003. – Вып. 1 (39). – С. 6–12.
3. Крейденко В. С. Библиотечные исследования : учеб.-метод. пособие. – М. : Рус. шк. библ. ассоц., 2007. – 352 с.
4. Перцева Т. *Время странствий*. – 2006. – № 7–8 (36–37). – URL: <http://www.baikalvisa.ru/irkutsk/dekablist/> (дата обращения 15.09.2011).
5. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – 2-е изд. – СПб., 1892. – С. 628–629.
6. Рыженко В. Г., Быкова А. Г. Культура Западной Сибири: история и современность : учеб. пособие / Омский гос. ун-т. – Омск, 2001. – 371 с.
7. История России с древнейших времен до второй половины XIX века : курс лекций / под ред. Б. В. Личмана. – 3-е изд., доп. – Екатеринбург, 1995. – 303 с.
8. История. Культура. Цивилизация : учеб. пособие / Финансовая акад. при правительстве Рос. Федерации. Каф. культурологии и психологии делового общения. – М., 1998. – 201 с.
9. Локальные цивилизации и взаимодействие в них культурных и экономических факторов. – URL: <http://www.jourclub.ru/12/303/> (дата обращения 13.08.2011).
10. Трофимова Р. П. Культурология: теория и история : (учебник-дискурс) / Финансовая акад. при Правительстве Рос. Федерации. Каф. культурологии и психологии делового общения. – М., 1997. – 212 с.
11. Хачатурян В. М. Н. Я. Данилевский и В. С. Соловьев о всемирно-историческом процессе и локальной цивилизации // Цивилизации. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 166–172.
12. Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 5 т. – М., 2001. – Т. 1. – 672 с. ; Т. 2. – 688 с. ; Т. 3. – 703 с. ; Т. 4. – 879 с. ; Т. 5. – 767 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. – М., 2003. – Т. 1 : Образ и действительность. – 523 с. ; Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. – 612 с.

14. Понятие культура в концепции Шпенглера. Философский словарь. Мир словарей. – URL: http://mirslavarej.com/content_fil/ponjatie-kultura-v-koncepcii-shpenglera-12423.html (дата обращения 31.03.2011).
15. *Тойнби А. Д.* Постижение истории : избранное. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 637 с.
16. *Тойнби А.* Социологический словарь. Мир словарей. – URL: http://mirslavarej.com/content_soc/tojnbi-toynbee-arnold-5452.html (дата обращения 31.03.2011).
17. Концепция культуры Николая Бердяева (1874–1948) // Основные школы и концепции культурологии Е. П. Корякина. – URL: http://avt.miem.edu.ru/Kafedra/KT/Publik/posob_1_kt.html#Концепция культуры Николая Бердяева (дата обращения 12.05.2011).
18. Концепция локальных цивилизаций и культурно-исторических типов (О. Шпенглер, А. Тойнби, П. А. Сорокин). Конспект по культурологии // Электронная гуманитарная библиотека. – URL: http://www.gumfak.ru/kult_html/lecture/lect07.shtml (дата обращения 16.03.2011).
19. *Полкарпов В. С.* Лекции по культурологии. – М. : Гардарика, 1997. – 343 с.
20. *Жданова Г. В.* Философия культуры евразийства (методологические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2004. – № 6. – С. 36–46.
21. *Садохин А. П.* Этнология : учеб. для вузов по гуманитар. спец. и направлениям. – М. : Гардарика, 2000. – 254 с.
22. *Орешина М. А.* Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения / под ред. Г. И. Зверевой. – М., 2000. – 194 с.
23. *Беспалова Ю. М.* Региональная культура в социокультурном пространстве России // Словцовские чтения – 99 : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. – Тюмень, 1999. С. 236–238.
24. *Ремнёв А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков / отв. ред. А. П. Толочко ; Омский гос. ун-т. – Омск, 1997. – 252 с.
25. *Рыженко В. Г.* История культуры Западной Сибири в современном регионоведении: отечественные исследовательские традиции и новые возможности // Словцовские чтения – 99 : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. – Тюмень, 1999. – С. 264–267.
26. *Костяев А. И., Максимова Н. Ю.* Современная российская цивилизациология. Подходы, проблемы, понятия. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 328 с. ; Методические рекомендации и указания к самостоятельной работе и семинарским занятиям по дисциплине «История мировых цивилизаций». Раздел «Теория цивилизаций (цивилизациология)» для студентов-магистрантов по направлению 520800 – история / И. В. Якубовская. – Великий Новгород, 2010. – С. 4–8.
27. Библиотека в системе общественных отношений региона : монография / Е. Б. Артемьева, Т. А. Жданова, Л. А. Кожевникова, А. Н. Маслова. – Новосибирск, 1999. – 194 с.
28. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока : в 5 т. / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. Новосибирск, 2000–2006. – Т. 1 : Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века. – 2000. – 316 с. ; Т. 2 : Конец XIX – начало XX в. – 2001. – 367 с. ; Т. 3 : 1917–1930 гг. – 2002. – 435 с. ; Т. 4 : 1931–1962 гг. – 2004. – 499 с. ; Т. 5 : 1963–1991 гг. – Новосибирск, 2006. – 535 с.
29. *Артемьева Е. Б., Кожевникова Л. А.* Роль Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук в развитии библиотечного знания и науки // Вклад информационно-библиотечной системы РАН в развитие отечественного библиотековедения. Новосибирск. – С. 157–173 ; *Кожевникова Л. А.* Библиотека в структуре базовых социально-экономических процессов территории. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2004. – 178 с. ; *Кожевникова Л. А.* Экономические ресурсы научных библиотек. – М. : Либерея-Бибинформ, 2006. – 192 с. ; *Артемьева Е. Б., Данилова Л. Ю.* Библиотечные ресурсы удаленного региона в контексте системных трансформаций социума. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2008. – 255 с.

Материал поступил в редакцию 17.11.2011 г.

Сведения об авторе: *Артемьева Елена Борисовна* – кандидат педагогических наук, заведующий отделом научно-исследовательской и методической работы, тел.: (383) 266-83-76, e-mail: artem@spsl.nsc.ru